

Химические соединения Максима Венгерова

Знаменитый скрипач озабочен будущим мирового искусства

Марина Гайкович

Максим Венгеров, один из последних вундеркиндов Советского Союза в прошлом и один из самых успешных скрипачей мира в настоящем, — человек весьма деятельный. Он прилетел в Москву не только с концертом, но и с деловым визитом. Беседа с обозревателем «НГ» состоялась воскресным утром.

— Максим, воскресений для вас не существует?

— Уже очень давно. С рождения, можно сказать.

— Много выступаете?

— Много, очень много. В этом году у меня запланировано девяносто концертов. Но есть и записи, и перелеты, и активная деятельность в разных сферах — это все входит в работу, а не только эти девяносто вечеров.

— В каких именно сферах?

— Я стал председателем Иерусалимского фонда, который поддерживает талантливую молодежь. Этот центр действительно уникален, у него тридцатилетняя история. В прошлом его председателем был Азик (Исаак) Стерн, и я очень горжусь, что могу продолжать эту прекрасную традицию. Я являюсь послом Доброй воли ЮНИСЕФ, езжу с благотворительными акциями по всему миру, когда есть время.

— В девяносто концертов они не входят?

— Нет, конечно, не входят. Кроме того, я занимаюсь педагогикой, преподаю в Королевской академии в Лондоне и Высшей школе музыки в Саарбрюкене.

— В России вас знают как чудо-ребенка и как уже сложившегося музыканта. Довольно продолжительный период вашей жизни за границей практически неизвестен.

— Меня и там воспринимали как чудо-ребенка. С моим коллегой Вадимом Репиным и профессором Броном мы приехали из России в Германию, в Любек, где нас приняли с распростертыми объятиями, где нам дали возможность заниматься искусством. Мне тогда

было двенадцать с половиной, Вадиму — около пятнадцати. Я проучился полтора года в Любеке и вскоре, после победы на конкурсе Карла Флеша в Лондоне, решил остаться без педагога.

— Сколько вам тогда было лет?

— Шестнадцать.

— Но «корочку об образовании» получили?

— Да, я закончил Высшую школу музыки в Любеке. К тому времени я уже занимался у двух педагогов: вначале у Галины Турчаниновой, затем у Захара Брона. Все это заняло одиннадцать лет. Потом мне повезло, и я встретился с необыкновенными личностями: прежде всего с Ростроповичем, который стал моим педагогом, духовным руководителем. В Германии встретился с Баренбоймом, очень часто с ними записывался. С Ростропо-

вичем мы записали шесть совместных дисков, недавно вышел последний, с Концертом Бетховена; есть планы записать Концерт Брамса. С Ростроповичем у меня по-настоящему есть «химическое соединение», мне очень повезло — он подарил мне старые русские традиции исполнения музыки великих композиторов: Шостаковича, Прокофьева... Да и не только русских, но и, например, его друга Бенджамина Бриттена, Уолтона; их сочинения мы записали вместе. Я многому научился и до сих пор учусь у Ростроповича.

— Как раз за запись Концертов Бриттена и Уолтона вы получили Грэмми. Почему вы выбрали альтовый концерт? Не хватает скрипичного репертуара?

— Это получилось совершенно случайно. Я никогда не планиро-

вал стать альтистом и даже вполне сознательно не хотел играть на альте, когда знаешь, что есть Башмет и много замечательных альтистов по всему миру. Но мне просто понравился концерт Уолтона больше, чем его скрипичный концерт, и я решил записать его в паре с концертом Бриттена.

мую престижную премию в Европе. Мне это в какой-то степени дало толчок, возможно, публика начала быстрее реагировать. Но я считаю, что премии — это не главное. Важно то, как музыкант развивается сам.

— Вы нередко упоминаете, что для лучшего понимания стиля

можно показать все, что скрипач может, какой он виртуоз.

— Да уж, вы — известный любитель скоростей, я имею в виду ваше пристрастие к гоночным автомобилям.

— Должен сказать, что скорость, конечно, это замечательно. Но, например, концерт Бетховена мы с

Самыми лучшими шоуменами были Паганини, Венявский, Изаи, Давид Ойстрах

— Премия Грэмми влияет на карьеру музыканта?

— Трудно сказать. Я еще в 20 лет за запись Первого концерта Шостаковича и Прокофьева получил са-

мостоятельную премию в Европе. Мне это в какой-то степени дало толчок, возможно, публика начала быстрее реагировать. Но я считаю, что премии — это не главное. Важно то, как музыкант развивается сам.

— Вы нередко упоминаете, что для лучшего понимания стиля композиторов прошлого вы изучаете много архивных документов. Не пробовали ли вы играть в аутентичной манере?

— Да, не только пробовал, но и очень серьезно занимался этим на протяжении двух с половиной лет под руководством замечательного музыканта из Англии Трэвора Пиннока. Трудно сказать, насколько аутентично то, чем мы занимаемся, но это очень интересный бросок в прошлое, и сам факт изучения мне был всегда интересен. Интересно заглянуть в прошлое, и на базе этого опыта идти в будущее века. Я имею в виду мой интерес к новой музыке, той, которая создается сейчас современными композиторами. Недавно Бенджамин Юсупов написал для меня Концерт для альты и электрической скрипки.

— Тот, где вы танго танцуете?

— Да, в конце. Если быть точным, то это альтовый танго-рок-концерт.

— Вас часто упрекают за элементы шоу в академических программах.

— Я бы скорее назвал это не шоу, а «сладкое», ведь этим и являются, по сути, бисы. И в этом отношении самыми лучшими шоуменами были Паганини, Венявский, Изаи, Давид Ойстрах. В наш век, когда исполняются салонные произведения Крейсера, это уже считается шоу, но я так не считаю. Это отдельный репертуар, в котором, конечно, есть элемент шоу, и на нем

Ростроповичем записали гораздо медленнее, чем все остальные. Для меня в музыке скорость не является главным критерием, это не единственное, что дает мне адреналин. Да и в жизни тоже я люблю не только большие скорости, но и медитацию, йогой занимаюсь. А что касается «шоу» и бисов, то действительно существует ведь не только потрясающая музыка Моцарта, Бетховена, которая исходит изнутри, из души, но и легкая музыка Крейсера, в которой есть элемент флирта.

— Куда вы спешите сейчас?

— В Московскую консерваторию. У нас собрание моих друзей из разных стран. Приедет ректор Лондонской королевской академии, директор Хохшуле Саарбрюкена, приедут ректоры из Вены, Италии. Мы будем обсуждать то, как поддерживать молодежь. Это самое важное сейчас в нашей жизни, потому что без молодежи не будет следующего века. Нужно продолжать старые, добрые традиции, которые были основаны (если говорить о скрипичном искусстве) вначале в Италии, потом переехали в Вену, в Германию, во Францию, в XX веке появилась русская школа. Из-за набирающей обороты системы глобализации сегодня наблюдается некоторый упадок в искусстве, он проследивается уже на протяжении пятнадцати лет. Поэтому мы решили встретиться, объединить наши усилия, чтобы защитить искусство и наши культурные ценности.

Максим Венгеров любит скорость и адреналин и в жизни, и в музыке. Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)